

ЭДГАР АЛЛАН ПО

ЗАЖИВО ПОГРЕБЕННЫЕ

*ИЗДАТЕЛЬСТВО АСТ
МОСКВА*

УДК 821.111-3(73)
ББК 84(7Coe)-44
П41

Серия «Эксклюзивная классика»

Перевод с английского
Серийное оформление *А. Фереца, Е. Фереца*
Дизайн обложки *В. Воронина*

По, Эдгар Аллан.

П41 Жививо погребенные : [сборник : перевод с английского] / Эдгар Аллан По. — Москва : Издательство АСТ, 2026. — 416 с. — (Эксклюзивная классика).

ISBN 978-5-17-192794-3

Перу Эдгара Аллана По принадлежит более семидесяти новелл, его считают родоначальником логического (детективного) рассказа, психологического рассказа и научно-фантастической новеллы. Рассказы, представленные в настоящем сборнике, являются ярчайшими образцами «малоформатной» прозы По и позволят читателю составить наиболее полное представление о многогранности таланта писателя.

Тема новеллы «Жививо погребенные» — одна из традиционных в творчестве автора и присутствует во многих его рассказах, в том числе «Береника», «Бочонок амонтильядо», «Падение дома Ашероу».

Смерть страшит человека и привлекает своими тайнами. Бывало немало случаев, когда людей хоронили жививо, сочтя их умершими. Герой новеллы болен каталепсией, когда состояние летаргии может длиться от нескольких дней до нескольких недель, поэтому его преследует страх быть похороненным жививо...

УДК 821.111-3(73)
ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-17-192794-3

© ООО «Издательство АСТ», 2026

ФОЛИО КЛУБ¹

Тут хитрость в духе Макьявелли —
Ее не все понять сумели².

Батлер

Должен с сожалением сказать, что Фолио Клуб — не более как скопище скудоумия. Считаю также, что члены его столь же уродливы, сколь глупы. Полагаю, что они твердо решили уничтожить литературу, ниспровергнуть Прессу и свергнуть Правительство Имен Собственных и Местоимений. Таково мое личное мнение, которое я сейчас осмеливаюсь огласить.

А между тем, когда я, всего какую-нибудь неделю назад, вступал в это дьявольское объединение, никто не испытывал к нему более глубокого восхищения и уважения, чем я. Отчего в моих чувствах произошла перемена, станет вполне ясно из дальнейшего. Одновременно я намерен

---

¹ © Перевод. З. Александрова.

² Здесь и далее, кроме особо оговоренных случаев, стихотворные переводы В. В. Рогова.

реабилитировать собственную личность и достоинство Литературы.

Обратившись к протоколам, я установил, что Фолио Клуб был основан как таковой — дня — месяца — года. Я люблю начинать с начала и питаю особое пристрастие к датам. Согласно одному из пунктов принятого в ту пору Устава, членами Клуба могли быть только лица образованные и остроумные; а признанной целью их союза было «просвещение общества и собственное развлечение». Ради этой последней цели на дому у одного из членов клуба ежемесячно проводится собрание, куда каждый обязан принести сочиненный им самим Короткий Рассказ в Прозе. Каждое такое сочинение читается автором перед собравшимися за стаканом вина, после обеда. Все, разумеется, соперничают друг с другом, тем более что автор «Лучшего Рассказа» становится *pro tem*¹. Председателем Клуба; должность эта весьма почетна, почти не сопряжена с расходами и сохраняется за занимающим ее лицом, пока его не вытеснит еще лучший рассказчик. И наоборот, автор рассказа, признанного худшим, обязан оплатить обед и вино на следующем очередном собрании общества. Это оказалось отличным способом привлекать время от времени новых членов вместо какого-нибудь несчастливца, который, проиграв такое угощение

---

¹ Временно (*лат.*).

два-три раза подряд, натурально отказывался и от «высокой чести», и от членства. Число членов Клуба не должно превышать одиннадцати. На это имеется ряд основательных причин, которые нет надобности излагать, но о которых догадается всякий мыслящий человек. Одна из них состоит в том, что первого апреля, в год триста пятидесятый перед Потопом, на солнце, как говорят, было ровно одиннадцать пятен. Читатель заметит, что в этом кратком очерке истории Общества я не даю воли своему негодованию и пишу с редким беспристрастием и терпимостью. Для *exposé*¹, которое я намерен сделать, достаточно привести протокол собрания Клуба от прошлого вторника, когда я дебютировал в качестве члена этого общества, будучи избран вместо distinguished Огастеса Зачерктона, вышедшего из его состава.

В пять часов пополудни я, как было условлено, явился к мистеру Руж-э-Нуар, почитателю леди Морган, признанному в предыдущем месяце автором худшего рассказа. Я застал собравшихся уже в столовой и должен признать, что яркий огонь камина, комфортабельная обстановка комнаты и отлично сервированный стол, равно как и достаточная уверенность в своих способностях, настроили меня весьма приятно. Я был встречен с большим радушием и пообедал, крайне доволь-

---

¹ Сообщения (*франц.*).

ный вступлением в общество столь знающих людей.

Членами его были большей частью очень примечательные личности. Это был прежде всего мистер Щелк, председатель, чрезвычайно худой человек с крючковатым носом, бывший сотрудник «Обозрения для глупцов».

Был там также мистер Конволвулус Гондола, молодой человек, объездивший много стран.

Был Де Рерум Натура, эсквайр, носивший какие-то необыкновенные зеленые очки. Был очень маленький человечек в черном сюртуке, с черными глазами.

Был мистер Соломон Гольфштрем, удивительно похожий на рыбу. Был мистер Оррибиле Дикту, с белыми ресницами и дипломом Геттингенского университета.

Был мистер Блэквуд Блэквуд, написавший ряд статей для иностранных журналов. Был хозяин дома, мистер Руж-э-Нуар, поклонник леди Морган. Был некий толстый джентльмен, восхищавшийся Вальтером Скоттом.

Был еще Хронологос Хронолог, почитатель Хорейса Смита, обладатель большого носа, побывавшего в Малой Азии.

Когда убрали со стола, мистер Щелк сказал, обращаясь ко мне: «Полагаю, сэр, что едва ли есть надобность знакомить вас с правилами Клуба. Вам, я думаю, известно, что мы стремимся просвещать общество и развлекать самих себя.

Сегодня, однако, мы ставим себе лишь эту вторую цель и ждем, чтобы и вы внесли свой вклад. А сейчас я приступлю к делу». Тут мистер Щелк, отставив от себя бутылку, достал рукопись и прочел следующее.

ГЕРЦОГ ДЕ Л'ОМЛЕТ¹

И вмиг попал он в климат попохладней.

Каупер

Китс умер от рецензии. А кто это умер от «Андромахи»? Ничтожные душонки! Де л'Омлет погиб от ортолана. *L'histoire en est brève*². Дух Апиция, помоги мне!

Из далекого родного Перу маленький крылатый путешественник, влюбленный и томный, был доставлен в золотой клетке на Шоссе д'Антен. Шесть пэров империи передавали счастливую птицу от ее царственной владелицы, Ла Беллиссимы, герцогу де л'Омлету.

В тот вечер герцогу предстояло ужинать одному. Уединившись в своем кабинете, он полулежал на оттоманке — на той самой, ради которой он нарушил верность своему королю, отбив ее у него на аукционе, — на пресловутой оттоманке *Cadêt*.

---

¹ © Перевод. З. Александрова.

² Повесть об этом короткая (*франц.*).

Он погружает лицо в подушки. Часы бьют! Не в силах далее сдерживаться, его светлость проглатывает оливку. Под звуки пленительной музыки дверь тихо растворяется, и нежнейшая из птиц предстает перед влюбленным из людей. Но отчего на лице герцога отражается такой ужас?

— Horreur! — chien! — Baptiste! — l'oiseau! ah, bon Dieu! Cet oiseau modeste que tu es déshabillé de ses plumes, et que tu as servi sans papier!¹ Надо ли говорить подробнее? Герцог умирает в пароксизме отвращения.

* * *

— Ха-ха-ха! — произнес его светлость на третий день после своей кончины.

— Хи-хи-хи! — негромко откликнулся Дьявол, выпрямляясь с *надменным* видом.

— Вы, разумеется, шутите, — сказал де л'Омлет. — Я грешил — c'est vrai², — но рассудите, дорогой сэр, — не станете же вы приводить в исполнение столь варварские угрозы!

— Чегой-то? — переспросил его величество. — А ну-ка, раздевайся, да поживее!

— Раздеться? Ну, признаюсь! Нет, сэр, я *не* сделаю ничего подобного. Кто вы такой, чтобы я, герцог де л'Омлет, князь де Паштет, совершен-

---

¹ Ужас! — собака! — Батист! — птица, о боже! Эта скромная птица, с которой ты снял перья и которую подаешь без бумажной обертки! (*франц.*).

² Это правда (*франц.*).

нолетний, автор «Мазуркиады» и член Академии, снял по вашему приказу лучшие панталоны работы Бурдона, самый элегантный robe-de-chambre¹, когда-либо сшитый Ромбером, — не говоря уж о том, что придется еще снимать и папильотки и перчатки...

— Кто я такой? Изволь. Я — Вельзевул, повелитель мух. Я только что вынул тебя из гроба розового дерева, отделанного слоновой костью. Ты был как-то странно надушен, а поименован согласно накладной. Тебя прислал Белиал, мой смотритель кладбищ. Вместо панталон, сшитых Бурдоном, на тебе пара отличных полотняных кальсон, а твой robe-de-chambre просто саван изрядных размеров.

— Сэр! — ответил герцог, — меня нельзя оскорблять безнаказанно. Сэр! Я не премину расчитаться с вами за эту обиду. О своих намерениях я вас извещу, а пока, au revoir²! — и герцог собирался уже откланяться его сатанинскому величеству, но один из придворных вернул его назад. Тут его светлость протер глаза, зевнул, пожал плечами и задумался. Убедившись, что все это происходит именно с ним, он бросил взгляд вокруг.

Апартаменты были великолепны. Даже де л'Омлет признал их bien comme il faut³. Они поражали не столько длиною и шириною, сколько

---

¹ Халат (франц.).

² До свидания (франц.).

³ Очень приличными (франц.).

высотой. Потолка не было — нет, — вместо него клубилась плотная масса огненных облаков. При взгляде вверх у его светлости закружилась голова. Оттуда спускалась цепь из неведомого кроваво-красного металла; верхний конец ее, подобно городу Бостону, терялся *parmi les nues*¹. К нижнему был подвешен большой светильник. Герцог узнал в нем рубин; но он изливал такой яркий и страшный свет, какому никогда не поклонялась Персия, какого не воображал себе гебр, и ни один мусульманин, когда, опьяненный опиумом, склонялся на ложе из маков, оборотясь спиной к цветам, а лицом к Аполлону. Герцог пробормотал проклятие, выражавшее явное одобрение.

Углы зала закруглялись, образуя ниши. В трех из них помещались гигантские изваяния. Их красота была греческой, уродливость — египетской, их *tout ensemble*² — чисто французским. Статуя, занимавшая четвертую нишу, была закрыта покрывалом; ее размеры были значительно *меньше*. Но видна была тонкая лодыжка и ступня, обутая в сандалию. Де л'Омлет прижал руку к сердцу, закрыл глаза, открыл их и увидел, что его сатанинское величество покраснел.

А картины! Киприда! Астарта! Ашторет! Их тысяча, и все это — одно. И Рафаэль видел их! Да, Рафаэль побывал здесь; разве не он написал...

---

¹ В облаках (*франц.*).

² Общий вид (*франц.*).

и разве не тем погубил свою душу? Картины! Картины! О роскошь, о любовь! Кто, увидев эту запретную красоту, заметил бы изящные золотые рамы, сверкавшие точно звезды на стенах из гиацинта и порфира?

Но у герцога замирает сердце. Не подумайте, что он ошеломлен роскошью или одурманен сладострастным дыханием бесчисленных курильниц. *C'est vrai que de toutes ces choses il a pensé beaucoup — mais!*¹ Герцог де л'Омлет поражен ужасом; ибо сквозь единственное незанавешенное окно он видит пламя самого страшного из всех огней!

*Le pauvre Duc!*² Ему кажется, что звуки, которые непрерывно проникают в зал через эти волшебные окна, превращающие их в сладостную музыку, — не что иное, как стоны и завывания казнимых грешников. А там? — Вон там, на той оттоманке? — *Кто* он? Этот *petit-maître*³ — нет, божество — недвижный, словно мраморная статуя, — и такой бледный — *et qui sourit, si amèrement*⁴?

*Mais il fait agir*⁵ — то есть француз никогда не падает сразу в обморок. К тому же его светлость ненавидит сцены; и де л'Омлет овладевает собой. На столе лежит несколько рапир, в том

---

¹ Правда, обо всех этих вещах он много думал — но! (франц.)

² Бедный герцог! (франц.)

³ Шеголь (франц.).

⁴ Который улыбается так горько (франц.).

⁵ Но надо действовать (франц.).

числе обнаженных. Герцог учился фехтованию у Б. — Il avait tué ses six hommes¹. Значит, il peut s'échapper². Он выбирает два обнаженных клинка равной длины и с неподражаемой грацией предлагает их его величеству на выбор. Horreur!³ Его величество не умеет фехтовать. Mais il joue!⁴ — Какая счастливая мысль! — Впрочем, его светлость всегда отличался превосходной памятью. Он заглядывал в «Diable»⁵, сочинение аббата Гуалтье. А там сказано, «que le Diable n'ose pas refuser un jeu d'écarté»⁶.

Но есть ли шансы выиграть? Да, положение отчаянное, но решимость герцога — тоже. К тому же разве он не принадлежит к числу посвященных? Разве он не листал отца Лебрена? Не состоял членом Клуба Vingt-Un⁷? «Si je perds, — говорит он, — je serai deux fois perdu⁸, voilà tout!⁹ (Тут его светлость пожимает плечами.) погибну дважды — Si je gagne, je reviendrai à mes ortolans — que les cartes soient préparées!¹⁰»

---

¹ Он убил шестерых противников (*франц.*).

² Он может спастись (*франц.*).

³ Ужас! (*франц.*).

⁴ Но он играет! (*франц.*)

⁵ «Дьявола» (*франц.*).

⁶ Дьявол не смеет отказаться от партии экарте (*франц.*).

⁷ Двадцать одно (*франц.*).

⁸ Если проиграю, я погибну дважды (*франц.*).

⁹ Вот и все! (*франц.*)

¹⁰ Если выиграю, вернусь к своим ортоланам — пусть приготовят карты! (*франц.*).

Его светлость — весь настороженность и внимание. Его величество — воплощенная уверенность. При виде их зрителю вспомнились бы Франциск и Карл. Его светлость думал об игре. Его величество не думал; он тасовал карты. Герцог снял.

Карты сданы. Открывают козыря: это — да, это король! Нет, дама! Его величество проклял ее мужеподобное одеяние. Де л'Омлет приложил руку к сердцу.

Они играют. Герцог подсчитывает. Талья окончилась. Его величество медленно считает, улыбается и отпивает глоток вина. Герцог сбрасывает одну карту.

— *C'est à vous à faire*¹, — говорит его величество, снимая. Его светлость кланяется, сдает и подымается из-за стола, *en présentant le Roi*².

Его величество огорчен.

Если бы Александр не был Александром, он хотел бы быть Диогеном; герцог же на прощание заверил своего партнера, «*que s'il n'eût pas été De L'Omelette, il n'aurait point d'objection d'être le Diable*»³.

---

¹ Вам сдавать (*франц.*).

² Предъявляя короля (*франц.*).

³ Что если бы он не был де л'Омлетом, он не возражал бы против того, чтобы быть Дьяволом (*франц.*).

НА СТЕНАХ ИЕРУСАЛИМСКИХ¹

*Intonsos rigidam in frontem ascendere canos
Passus erat...*

Lucan²

Перевод: дикий кабан.

— Поспешим на стены, — сказал Абель-Фиттим, обращаясь к Бузи бен Леви и Симону фарисею в десятый день месяца Таммуза, в лето от сотворения мира три тысячи девятьсот сорок первое. — Поспешим на крепостной вал, примыкающий к Вениаминовым воротам, в граде Давидовом, откуда виден лагерь необрезанных; ибо близится восход солнца, последний час четвертой стражи, и неверные, во исполнение обещания Помпея, приготовили нам жертвенных агнцев.

Симон, Абель-Фиттим и Бузи бен Леви были гизбаримами, то есть младшими сборщиками жертвований в священном граде Иерусалиме.

— Воистину, — отозвался фарисей, — поспешим, ибо подобная щедрость в язычниках весьма необычна, зато переменчивость всегда отличала этих поклонников Ваала.

— Что они изменчивы и коварны, это столь же истинно, как Пятикнижие, — сказал Бузи бен

---

¹ © Перевод. З. Александрова.

² Стричь перестав, седины поднял на лоб непреклонный... Лукан (лат.).

Леви, — но только по отношению к народу Адонии. Слыхано ли, чтобы аммонитяне поступались собственной выгодой? Невелика щедрость — поставлять нам жертвенных агнцев по тридцати серебряных сиклей с головы!

— Ты забываешь, бен Леви, — промолвил Абель-Фиттим, — что римлянин Помпеи, святотатственно осаждающий град Всевышнего, может подозревать, что купленных жертвенных агнцев мы употребим на потребности нашего тела, а не духа.

— Клянусь пятью углами моей бороды! — воскликнул фарисей, принадлежавший к секте так называемых топальщиков (небольшой группе праведников, которые так усердно истязали себя, *ударяя* ногами о мостовую, что были живым упреком для менее ревностных верующих и камнем преткновения на пути менее талантливых пешеходов). — Клянусь пятью углами этой бороды, которую мне, как священнослужителю, не дозволено брить! Неужели мы дожили до того, что римский богохульник, язычник и выскочка осмелился заподозрить нас в присвоении священных предметов на потребу плоти? Неужели мы дожили?..

— Не станем допытываться о побуждениях филистимлянина, — прервал его Абель-Фиттим, — ибо сегодня впервые пользуемся его великодушием, а может быть, жаждой наживы. Поспешим лучше на городскую стену, дабы не